

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Психоаналитическое исследование аутизма

Д. Д. Грачева

Грачева Дарья Дмитриевна – психолог, психоаналитически ориентированный психотерапевт.

Данная статья посвящена психоаналитическому исследованию аутизма. Тема аутизма вызывает страстные споры в отношении причин, касающихся его патологии. Отсутствие консенсуса по данному вопросу серьезно дезориентирует родителей, а сложность спокойного противостояния гипотезам сказывается на прогрессе в понимании детского аутизма, его истоков и терапии. Тема аутизма неоднократно фигурировала в психоаналитической литературе. В разные годы психоаналитики задавались вопросом о природе аутизма и пытались исследовать ее. Причины, приводящие к аутизму, до сих пор не выяснены. В настоящей статье исследуется взаимосвязь развития аутизма с нарушениями в диаде мать – младенец. Данная статья будет интересна психоаналитикам и психоаналитически ориентированным психотерапевтам, работающим с пациентами, которым был диагностирован аутизм, а также с их матерями.

Ключевые слова: аутизм, психология, психоаналитическая психотерапия, психозы, символизация, депрессия.

Данная статья будет попыткой осветить одно из самых загадочных нарушений психического развития в современном мире – аутизм. Тема аутизма остается актуальной по сей день. Многие родители, столкнувшись с данной проблемой, начинают искать ответы на вопросы ввиду недостаточной информированности. Важность отношений в диаде мать – младенец в первые месяцы жизни ребенка не всегда достаточно осознается родителями. Столкнувшись с опытом материнства, женщина испытывает различного рода чувства и фрустрацию. Никто не знает лучше самой

матери, что нужно ребенку в тот или иной момент. Но не каждая мать слышит себя и ребенка и готова устанавливать с ним симбиотические отношения.

Объектом исследования являются отношения в диаде мать – младенец. Гипотеза исследования состояла в том, что нарушения во взаимоотношениях мать – младенец являются истоком формирования аутизма. Эта гипотеза не претендовала на стопроцентную правоту, но возникла вследствие анализа психоаналитической литературы авторов разных периодов времени от начала XX века до современности. Исследование клинического материала дало представление о возможной природе возникновения аутизма.

Понятие «аутизм». Исторический аспект

Термин «аутизм» (от греческого «autos», означающего «сам») был впервые введен в работе швейцарского психиатра Е. Блейера (*Bleuler, 1950*) для обозначения нарушения, которое является прямым следствием шизофренического расщепления психики и ухода от реальности. Потребность найти в фантазии замену неудовлетворительной реальности, присущая всем человеческим существам, может быть удовлетворена таким образом. Независимо от того, насколько продукты фантазии противоречат реальности, они не вступают в какой-либо конфликт с реальностью в мозге пациента.

Предположительно аутизм существовал всегда. Практически в каждой культуре можно найти предания о людях, отличающихся от других людей своим поведением и отсутствием здравого смысла.

В современном понимании понятие «аутизм» ввел американский психиатр Л. Каннер, выделив его как отдельную проблему – расстройство аффективного общения, проявляющееся уже в раннем детском возрасте (*Kanner, 1943*). Детский аутизм назван в честь него «синдромом Каннера».

Л. Каннер, сотрудничая с коллегой Л. Эйзенбергом (*Kanner et al., 1955*), высказал мнение, что эмоциональная атмосфера в доме играет далеко не последнюю роль в происхождении аутизма. Он выразил мнение, что поведение детей с аутизмом, которое выходит за рамки нормы, является причиной проблем их родителей.

Бум изучения вопроса аутизма пришелся на середину XX века. Помимо Каннера и его коллег в это же время вопросом аутизма занялся австрийский психиатр Г. Аспергер. В 1944 году Аспергер опубликовал диссертацию, посвященную аутистичной психопатии в детском возрасте (*Asperger, 1944*).

Исследования Каннера и Аспергера совершили прорыв в исследовании аутизма. Но вопрос того, что происходит в контакте родителей со своими детьми, не был изучен, так как они делали упор на то, что аутизм – это генетическое заболевание, однако не исключали влияния семьи на его развитие.

Нарциссизм и развитие Я

Отдавая большую роль значимости либидинальных импульсов, Фрейд пытался осветить психологию психотических нарушений, описанных Блейером и Крепелином (Фрейд, 2021). Изучая эту тему, он обратил особое внимание на первичный нарциссизм. Нарциссизмом он называл то состояние, в котором либидо, оторвавшись от окружающего мира, обращается к собственному Я. Таким образом, Фрейд связывает психотические нарушения с проявлением нарциссизма, указывая, что в них он является вторичным, то есть появившимся на почве первичного.

В своих работах Д. В. Винникотт (Winnicott, 2005) исследовал диадные отношения мать – младенец. Он писал, что в эмоциональном развитии ребенка предшественником зеркала является лицо матери. На ранних стадиях эмоционального развития ребенок еще не отделяет себя от внешнего мира, поэтому то, что окружает ребенка, играет огромное значение. В процессе развития начинается сепарация между Я и не-Я. И важную роль в этом процессе играет мать. Ребенок ищет взгляда матери и своего отражения в нем. В случае отсутствия взгляда матери или ее враждебного взгляда ребенок вынужден запереться в границах собственного Я, избегая угрозы от окружающего мира.

Ж. Лакан также занимался исследованием нарциссизма (Lacan, 1966). Именно его концепцией зеркала вдохновился Винникотт. Лакан описывает то, что происходит на стадии зеркала, как идентификацию, то есть как трансформацию, происходящую с субъектом при присвоении им своего образа. Усвоение ребенком, который еще кормится грудью, своего зрительного образа представляет собой идеальную ситуацию для изучения символической матрицы, в которой Я оседает в своей первоначальной форме перед тем, как будет объективировано в диалектике идентификации с другим.

В своей статье «Déconstruction du narcissisme primaire» Р. Руссийон (Roussillon, 2011), ссылаясь на работы Фрейда и Винникотта, проводит анализ первичного нарциссизма. Он пишет, что осмысление нарциссизма должно происходить в контексте двоих, а то и троих объектов. Невозможно представить субъекта без объекта, который можно рассматривать как «другой-субъект», то есть это другой субъект, который обладает психической жизнью и своими желаниями.

При рассмотрении нарциссической теории влечений внимание акцентируется на тенденции к разгрузке субъектом своих влечений через объект, помогающий ему получить свободу от напряжения. В таком случае данный объект не воспринимается в качестве другого субъекта. В случае присутствия объекта влечение субъекта может найти разгрузку, иначе субъект будет находиться под угрозой потери и развивать аутоэротизм, чтобы защититься от этого и дожидаться благосклонности объекта. Таким образом, Руссийон вводит в жизнь влечений новое измерение, содержащее идею о том, что влечение несет за собой «послание», адресованное объекту и ожидающее ответа. Создание влечений происходит через взаимодействие между субъектом и объектом. Отсутствие отклика объекта

инкорпорируется и оставляет в Я след от этого молчания и способа, которым оно смогло разрушить импульс влечения.

Отношения матери и младенца играют огромную роль для организации психической топики. Только в любви субъект может почувствовать себя наполненным и сформировать позитивное представление о внешнем мире. Мать через опыт общения учит ребенка доверять внешнему миру, формируя позитивное представление о нем. И наоборот, отсутствие материнских инвестиций может оказать деструктивное воздействие на ребенка, вплоть до ухода от внешнего мира в себя.

Симбиоз и индивидуация

В своей работе М. Малер вместе с Ф. Пайном и А. Бергман (*Малер и др.*, 2018) описывает исследование среднестатистических матерей и их здоровых детей с целью понять, как дети приобретают чувство идентичности и ощущение своего существования. Они рассматривают психологическое рождение как процесс, через который проходит ребенок. Этот процесс был назван сепарация-индивидуация. Данную работу предлагается рассматривать как дополнение предшествующих теорий в части того, как формируются на базе нарциссизма объектные отношения. Используя термин «сепарация», Малер и Пайн имеют в виду процесс отделенности, который обозначает движение внутри психики чувства отделенности ребенка от матери через отделенность от внешнего мира. Это то самое чувство, которого не может достичь ребенок с аутизмом. Термин «симбиоз» Малер и Пайн используют для обозначения интрапсихических феноменов. Они делают предположение, что симбиоз – это предполагаемое состояние. Имеется в виду состояние, в рамках которого дифференциация между матерью и ребенком не происходит или стирается в результате регрессии.

Благодаря заботе матери усиливается связь младенца с внешним миром. С момента рождения и в течение первых недель жизни ребенок практически не проявляет никакой реакции на человека, который осуществляет материнские функции. Таким образом, в начале жизни превалирует стадия абсолютного первичного нарциссизма.

Во время бодрствования новорожденный пытается всеми силами достичь гомеостаза. Поначалу он не отделяет помощь матери от себя. Удовольствие, которое ребенок получает благодаря своей матери, помогает ему впоследствии различать «хорошее» и «плохое», как характеристики полученного опыта. Потребность младенца в матери в этом диадическом союзе абсолютна, однако для матери потребность в ребенке относительна.

В отличие от биологической концепции симбиоза, Малер использует данный термин для демонстрации слияния младенца с матерью, в котором еще нет деления на Я и не-Я, а разница между внутренним и внешним только начинает ощущаться. Малер выделяет основную черту симбиоза матери и младенца – это иллюзия общей границы младенца и матери, представляющая собой слияние с материнской репрезентацией. В случае

наиболее тяжелых нарушений психической организации и индивидуации Я младенца регрессирует до этого состояния. Несмотря на преобладание у ребенка на симбиотической фазе первичного нарциссизма, он не является столь абсолютным, как на предшествующей ей аутистической фазе. Забота и увлеченность матери своим ребенком способствуют психологическому рождению. По завершении симбиотической стадии нарциссизм дает дорогу вторичному нарциссизму. Внешний объект может стать пригодным для идентификации только в том случае, если тело младенца через материнскую заботу становится объектом вторичного нарциссизма.

Р. Шпиц занимался исследованием детской психики и взаимоотношений матери и младенца (*Шпиц, 2001*). Он выделил так называемую социальную улыбку, обозначив ее как первого психического организатора в развитии Я. Он рассматривает различные нарушения в диаде мать – младенец. Есть качественные нарушения, а есть количественные. Качественные нарушения – эмоциональные связи в диаде. Количественные – это материнский уход, когда мать покидает ребенка. Если мать через какое-то время возвращается, ребенок может восстановить связь. Но опыт покинутости, брошенности сохраняется в виде мнестических следов на протяжении всей жизни.

В своих работах Малер часто ссылается на работы Шпица, отмечая схожесть во взглядах на взаимодействие в диаде мать – младенец.

Говоря об объектных отношениях, невозможно не упомянуть теорию привязанности Дж. Боулби (*Боулби, 2003*). Его интересовали нарушения у детей, воспитывавшихся в детских домах. Он предположил, что проблема с взаимоотношениями может быть связана с тем, как строились у ребенка отношения с матерью на раннем этапе развития.

Боулби пришел к мнению, что на развитие ребенка влияют прежде всего не влечения, как было принято считать ранее, а внешняя окружающая среда. Он считал, что когда взрослые уделяют внимание только лишь инстинктивному поведению ребенка, игнорируются остальные события его жизни, которые влияют на него. Он не был согласен с тем, что ребенок привязывается к матери только потому, что она его кормит.

Хочется отметить важную роль матери в исследованиях всех вышеуказанных авторов. Формирование ребенка не идет отдельно от действий его матери. Невозможность достичь чувства отделенности (сепарации) от матери (и тем самым от внешнего мира) оставляет детей с аутизмом в себе, в своем галлюцинаторно-сумеречном состоянии.

Малер (*Малер и др., 2018*) описывает фазу сепарации-индивидуации как опыт второго рождения, что наделяет ребенка собственной идентичностью и позволяет войти во внешний мир без страха аннигиляции. Находясь в слиянии с матерью, Я младенца не способно дифференцироваться от не-Я. Удовольствие, которое ребенок получает от матери, формирует у него позитивный или негативный опыт. После двух месяцев детская «скорлупа» начинает трескаться при нормальном опыте взаимодействия с матерью, что служит началом дифференциации Я от не-Я. Это время, когда зависимость младенца от матери абсолютна. Во время симбиоза с матерью ребенку важен телесный и зрительный контакт. Во время

кормления ему необходимо видеть взгляд матери, что служит триггером улыбки.

После восьми месяцев ребенок начинает соединять хорошее и плохое, ориентируясь на полученный опыт и при этом формируя либидинозный объект. Качественные (эмоциональные связи) и количественные (уход матери от ребенка) нарушения оказывают сильное влияние на психическое развитие ребенка.

Таким образом, забота матери является организатором индивидуации и психологического рождения младенца. Внешняя среда оказывает огромное влияние на то, что происходит с психикой ребенка. Рассматривая негативный опыт, можно лишь предположить, к каким катастрофическим последствиям приводит отсутствие заботы и любви со стороны матери к младенцу. Угроза враждебного окружающего мира вынуждает младенца так и остаться в своей «скорлупе», психически не рождаясь.

Холодная мать

Огромный вклад в развитие теории возникновения аутизма с точки зрения психоанализа внес Б. Беттельхейм, который был современником Каннера и опирался на его идеи. Беттельхейм работал с детьми, страдавшими аутизмом, описывая в своей книге (*Беттельхейм, 2019*) клинические случаи, в том числе успешного излечения. В этой работе Беттельхейм, ссылаясь на Каннера, делает предположение, что «эмоциональная конфигурация в семье» не дает ребенку выглянуть из своей скорлупы и даже заставляет его оставаться там внутри.

Беттельхейм указывает на беспомощность младенца, его зависимость от действий окружающих его людей. Младенец либо вообще ничего не воспринимает, либо его реакция на происходящее происходит на уровне инстинктов. То есть психологически младенец еще не существует, ибо его реакции происходят на физиологическом уровне (например, голод).

Данной точки зрения придерживался и Шпиц (*Spitz, 1962*), который отметил, что анаклитические отношения охватывают все взаимоотношения беспомощного младенца с окружающей средой.

Развитие ощущения Я ребенка начинается с консолидации чувства комфорта. Мать, удовлетворяющая потребности ребенка, помогает ему различать собственные ощущения. Коммуникацию между матерью и ребенком можно считать установленной, когда мать различает реакции ребенка, понимает их и может удовлетворить должным образом. Таким образом происходит разделение переживания другого человека.

Время от времени младенец сталкивается с фрустрацией, когда его потребности не находят сиюминутного удовлетворения, что способствует его осознанию факта существования внешнего мира. Затем по мере своего развития младенец начинает подавать сигналы или особые знаки, воздействуя тем самым на внешний мир. Это служит началом становления его как существа социального. Если ему удастся достичь желаемого, он со временем будет пытаться манипулировать, создавая себе преимущество. Сначала ребенок будет пытаться установить контроль над не-Я. Если ему

это не удастся, то он поймет преимущество обоюдности и таким образом появится сознательная отзывчивость в отношении других людей.

Ощущения младенца играют важную роль в его «очеловечивании». Он отказывается от взаимодействия с другими, если его крик или улыбка остаются без ответа. Таким образом, тормозится процесс формирования личности, необходимый для ее взаимодействия с внешней средой. Беттельхейм делает вывод, что рост и развитие младенца полностью определяются адаптацией к нему матери.

По мере взросления ребенок понимает, что плач – это не единственный способ обратить на себя внимание и обеспечить близость матери. Дж. Боулби (*Bowlby, 1958*) рассуждал о том, что младенец, который ранее пытался с помощью крика привлечь внимание матери, затем начинает активно искать ее. Он отметил, что многие психологические нарушения можно обнаружить на втором году жизни. Это время, когда преследование и хватание ребенка достигают своего пика, как и в первые месяцы жизни, когда ребенок только родился.

Беттельхейм отмечает, что в его исследованиях аутичных детей отсутствовали упоминания об отклонениях или травмах, которые могли быть получены в ранний период младенческого возраста. Наоборот, эти дети нормально развивались в первые полтора-два года. В это время у детей еще существуют потребности, которые они не могут удовлетворить самостоятельно, однако они уже предпринимают попытки самостоятельно получить желаемое. Зачастую аутичные дети неплохо развивались и начали говорить. Их развитие происходило в контексте попыток воздействовать на внешний мир. Однако, столкнувшись с пониманием того, что он оказывает влияние на внешний мир меньше, чем раньше, убедившись в тщетности своих попыток, ребенок полностью бросает всякие попытки установить взаимодействие с ним.

Беттельхейм подчеркивает, что важную роль имеет становление социального индивида. Это связано с переживаниями опыта научения пользования туалетом. Это одно из множества переживаний, помогающих отделить Я от не-Я. Если ребенок сам выбирает место и время для дефекации, процесс происходит в плоскости обоюдности. Беттельхейм делает вывод, что способность ребенка самому обеспечить себе разрядку напряжения способствует отделению Я от не-Я.

М. Малер (*Mahler et al., 1959*) писала, что удовольствие, связанное с восприятием ребенком собственного стула, и его принятие способствуют установлению идентичности тела Я. Таким образом, ребенок перестает менять местами местоимения «я» и «ты».

Беттельхейм считал, что развитие аутизма может начаться вследствие травматических переживаний ребенка, которые случаются в трех различных периодах жизни, которые он назвал «критическими». Он занимался лечением детей с аутизмом, считая, что возможно вывести ребенка из этого состояния, но при этом необходимо его изолировать от фрустрирующей семьи.

Теория Беттельхейма вызвала широкий общественный резонанс как в научной среде, так и среди родителей детей с аутизмом. При этом она

перекликается с мнениями других психоаналитиков. Опыт взаимодействия ребенка с внешней средой оказывает колоссальное воздействие на развитие его психики. Безопасность внешней среды и окружения обуславливает нормальное развитие и «вылупление» Я ребенка из своей скорлупы, в которой он пребывает первые месяцы своей жизни. И наоборот, фрустрация, которую вызывает у ребенка внешний мир через опыт его взаимодействия с матерью, рождает у него непереносимый ужас и страх аннигиляции. Таким образом, детский аутизм – это состояние психики, представляющее собой реакцию на пребывание в чрезвычайно опасной ситуации без малейшей надежды на спасение. Психическое рождение невозможно без участия окружающего мира, а именно – без заботы и ласки матери.

Выводы Беттельхейма перекликаются с выводами Шпица (*Шпиц*, 2001) в отношении того, что опыт покинутости остается в психике ребенка в виде мнестических следов. Преобладание негативного опыта заставляет ребенка обратиться к себе, не найдя поддержки в окружающем мире. Он будет стараться защитить себя от любого вторжения извне. Аутизм – это состояние, в которое бежит ребенок, спасаясь от враждебного окружения. Аутизм можно сравнить с пещерой, в которой ребенок чувствует себя в безопасности в то время, как его мать и весь окружающий мир причиняют ему нестерпимую боль.

Аутизм и кожа

Э. Бик занималась многолетними наблюдениями за младенцами и детьми, имеющими психические заболевания. Она описывает свои наблюдения за младенцами, вводя понятие «второй кожи» (*Bik*, 1968). Основной смысл ее работы состоит в том, что на ранней стадии младенцу необходимо удерживать дезинтегрированные части, которые не особо отличаются от телесных, внутри так называемой «психологической кожи». Формирование кожи происходит в момент усвоения ребенком транслируемых матерью чувств защищенности и успокоения, что создает у ребенка интрапсихическую оболочку.

Согласно концепции Э. Бик, младенец ввиду отсутствия интеграции испытывает потребность в контейнирующем объекте. Таким образом, он производит постоянный поиск объекта, который воспринимается чувственно – как источник голоса, света, запаха. Являясь привлекательным для младенца, этот объект переживается подобно объекту, удерживающему части личности младенца в целостности. Как правило, оптимальным объектом в данной ситуации является сосок матери, находящийся у младенца во рту во время нахождения на руках матери, запах которой он чувствует.

При нарушении функции первичной кожи имеет свойство образовываться субститут, выполняющий функции контейнера, который был назван «второй кожей». Благодаря этому субституту через псевдозависимость и неуместное использование некоторых функций психики может установиться зависимое от объекта положение.

Д. Мельтцер (*Meltzer, 1975*) параллельно с Э. Бик проводил наблюдения за младенцами. Также он создал группу психоаналитиков, которая лечила детей с аутизмом. В своей статье он вводит термин «адгезивная идентификация». Он разделяет феноменологию аутизма на две составляющие – связанную с аутичными феноменами, которые константны (например, ребенок, заходя в комнату, всегда шел нюхать пластилин), и более сложную. Данные особенности не повторяются бесконечно. Обычная игра ребенка в своей комнате внутри аутичной матрицы будет напоминать побег от психической жизни. У таких детей сильнейшая нетерпимость к разлуке. Принявшие участие в исследовании дети функционировали так, словно для них не существовало никакого пространства, а только лишь поверхности. Для этих детей в пространстве, которое нельзя закрыть, не существует пространства.

Ссылаясь на Мелани Кляйн, Мельтцер пишет, что до момента первого шага в психическом развитии происходит рудиментарная дифференциация Я и объекта в виде твердых пространств. Для данных пространств необходимо осуществление переживания в постнатальном периоде, аналогичное переживанию, которое напоминает контейнирование ребенка в утробе.

Согласно концепции, выдвинутой Д. Анзьё (*Анзьё, 2011*), каждая функция психики развивается, опираясь на функцию тела, чей механизм проецируется на психический уровень. Формирование психического аппарата происходит через последовательные стадии отрыва от своих биологических основ. Разрывы между психическим и биологическим дают возможность побега от биологических законов, но в то же время они обеспечивают необходимость индивидуации анаклитических отношений между телесными и психическими функциями. Таким образом, развитие психического аппарата происходит, основываясь на физических переживаниях, имеющих биологическую природу, в которых кожа играет фундаментальную роль. Эти переживания внешнего и внутреннего характера обогащаются новым смыслом в процессе взаимодействия с ухаживающим лицом, а затем приобретают символические формы в виде мыслей, символов и фантазий.

Благодаря физической стимуляции кожа может обеспечивать репрезентациями психический аппарат. Обозначив конструкцию самости термином «Я-кожа», Д. Анзьё отметил ее важную роль в обеспечении таких функций, как восприятие, перцепция, защита, поддержка, энергия, интеграция ощущений и идентичность. Я развивает способность мыслить и репрезентировать, беря за основу Я-кожу, тем самым становясь Я-мыслящим.

Патологии Я-кожи и Я-мыслящего демонстрируют нам способы защиты Я в общении с другими людьми в попытках защититься от внутренней и внешней угрозы через физическое восприятие, которым обладает кожа. Чем больше имеется ошибок в абстрактных функциях Я, связанных с символизацией и интеграцией опыта, тем более патологическим образом будет функционировать Я. Для объяснения природы ошибок в структурировании Я Д. Анзьё обращается к теории привязанности, которая была

упомянута ранее. Он отметит связь материнского тела и чувства привязанности, которая обеспечивает захват и развитие чувства базового доверия, позволяя ребенку изучить и классифицировать объекты внешнего мира. Сепарация с матерью возможна только при наличии этого базового доверия.

Д. Анзьё делает вывод о существовании реципрокных взаимоотношений между чувством доверия и развитием символического потенциала. Отсутствие объекта не может быть принято без этого базового ощущения. Без понятия отсутствия переход от необходимости в присутствии конкретного объекта к его номинации не сможет произойти. В данном ключе понятие отсутствия переплетается с возможностью производить, регистрировать, а также терпеть сепарацию со значимым объектом – матерью.

Д. Анзьё (*Anzieu, 1993*) разбирает феномены аутизма через призму психоаналитического подхода. Он делает предположение, что скудность отношений ребенка со своим окружением, а особенно с матерью, в раннем младенчестве является причиной искажения социальной перцепции у людей с аутизмом.

Дополняя теорию Боулби, Д. Анзьё отмечает, что критерии позитивной привязанности должны быть дополнены еще одним – синхронизацией ритмов. Это способность матери приспособиться к темпу ребенка.

Случаи аутизма Д. Анзьё считает типичным примером опыта негативной привязанности. Негативный опыт привязанности препятствует дифференциации субъекта и объекта. При этом между ними сохраняется адгезивная симбиотическая связь. Негативный опыт привязанности впоследствии будет препятствовать дифференциации внешнего и внутреннего, воображаемого и реального, целого и части. У индивида на первый план выдвигается борьба с равнодушием ввиду недостатка удовлетворяющего и любящего опыта. Такие люди предпочитают физическую боль, чтобы ощущать свое существование и не выносить психические страдания, спровоцированные чувством отверженности, унижения и несуществования.

Д. Анзьё отмечает связь негативной привязанности младенца по отношению к матери с негативной привязанностью матери по отношению к младенцу, когда младенец становится хранилищем забот и дурных мыслей матери и воспринимается как разочаровывающий.

Д. Анзьё (*Анзьё, 2011*) полагал, что психическому аппарату ребенка для обладания собственной оболочкой нужно отделиться от психического аппарата матери и освободиться от симбиоза с ней. Стадию отделения он описал как обладающую фантазией об общем пространстве кожи для матери и младенца. С одной стороны, тела матери и младенца независимы, а с другой – взаимозависимы. Фантазия о единой коже на двоих порождает также фантазию об одном мышлении на двоих.

Д. Анзьё (*Anzieu, 1993*) описывает тревожащее отношение целого к частям, когда тело имеет двумерный образ, не обладающий собственным внутренним пространством. Кожа не является сплошной поверхностью, связывающей органы чувств между собой, так как каждый из этих

органов имеет собственное пространство кожи и тенденцию функционировать, не завися от совокупности органов чувств. Первичный контакт между матерью и младенцем является тактильным, что позволяет младенцу создать представление о плоском психическом пространстве, а также о поверхности для записи мнестических следов, которые создаются по образу кожи. Это является пространством рождающегося Я, описанного Д. Анзьё (Анзьё, 2011) как Я-кожа.

Резюмируя свою статью, Д. Анзьё дает описание психической оболочки, которая состоит из двух слоев – внешнего, воспринимающего и фильтрующего возбуждение, и внутреннего, воспринимающего, расшифровывающего и регистрирующего смыслы. В случае аутизма можно говорить о нарушении пропорции между двумя оболочками. Защита от возбуждения, с одной стороны, катектирована чрезмерно, с другой же – поверхность для записи слабо развита. Люди, которые страдают аутизмом, либо вообще не понимают сигналы, которые исходят от других людей, либо воспринимают их неправильно, трактуя как угрозу. Психическая оболочка аутистов достаточно хрупкая и недостаточно структурированная. Люди с аутизмом имеют защиту от возбуждения, ставшую для них панцирем и защищающую их от реальных человеческих обменов. Истинное Я этих людей скрыто в «коконе».

Таким образом, контейнирование матерью младенца создает внутри него так называемую «психологическую кожу», позволяя удерживать дезинтегрированные части. Отсутствие контейнирования создает у младенца так называемую «вторую кожу», которая связана с дефектами раннего сдерживания и может иметь разрушительные последствия для психики младенца. Развитие психического аппарата происходит в процессе переживаний внутреннего и внешнего характера, которые обогащаются новыми смыслами в контакте с матерью. Развитие чувства базового доверия у младенца напрямую связано с материнским телом и чувством привязанности. При наличии доверия возможна и сепарация с матерью, что перекликается с ранее описанными теориями. Способность матери адаптироваться с собственным ребенком, устанавливать с ним симбиотические отношения, то есть диадую мать – младенец, способствует обеспечению таких функций, как восприятие, перцепция, защита, поддержка, энергия, интеграция ощущений идентичности, тем самым выстраивая конструкцию самости, рождая психическое Я младенца. В случае отсутствия позитивной привязанности может возникнуть психическое нарушение, уход младенца в «кокон». Невозможность обуздать и связать собственные аффекты вырастает «панцирем» на спине младенца, отстраняя его от взаимоотношений с другими людьми.

Аутизм. Взгляд школы Лакана

Ж. Лакан (Лакан, 2004) говорит про аутизм как про выбор. Человеку с аутизмом непросто обрести тело и восприятие как таковое, находясь в зоне расщепления. Именно через понятие о стадии зеркала можно раскрыть понимание феномена формирования симптома и означающих речи.

Ж. Лакан (*Лакан*, 1981) пишет, что, полагаясь на материнского Другого, ребенок входит активным образом в мир. Но аутистичный ребенок наталкивается на препятствие на этом пути. Он опасается всего, что приходит извне, в том числе языка, поэтому избегает его и конструирует мир, который будет построен исключительно собственными ресурсами. Такой ребенок будет производить на окружающих впечатление оторванного от мира и сосредоточенного на себе. Это будет являться для ребенка защитой от той тревоги, которую он испытывает, взаимодействуя с другими.

Ф. Дольто (*Дольто*, 2021) пыталась осмыслить психическое состояние и глубокие страдания аутистичных детей. Она указывает на то, что аутизм не является врожденным заболеванием. Это реакция ребенка, который в процессе своей самоидентификации столкнулся с каким-то испытанием. Обычно это происходит в первые дни его жизни или между четырьмя и десятью месяцами. Ребенок в результате травмы способен потерять символический и аффективный контакт с матерью. Под травмой Дольто понимает чаще всего отсутствие матери – скорбь или путешествие. Отсутствие объяснения произошедшего события со стороны матери отправляет ребенка в прибежище своей внутренней речи. Дети с аутизмом являются особенными, высшими существами, так как к ним не прилипают даже болезни.

Дольто не верит в фатальность психотических состояний. Для нее дети, страдающие аутизмом, – это дети, которые рано созрели, которым не говорят о том, что для них так важно. Если бы отсутствующая мать рассказала ребенку, что произошло и почему ее не было рядом и что она не знала, что ребенок так от этого страдал, многие из таких детей смогли бы восстановить контакт со своими матерями, как это было до того события, после которого они впали в аутизм. Если бы мать смогла рассказать ребенку, что он в семье нежеланный или ждали ребенка другого пола, это позволило бы ребенку восстановить контакт с матерью.

Совокупность психических и поведенческих особенностей ребенка с аутизмом приводит к нарушению социализации. Столкнувшись с пренебрежительным отношением к себе и убедившись в том, что нельзя повлиять на людей, которые о тебе заботятся, как и на мир в целом, ребенок уходит в себя от реальности. Прибегая к такому защитному механизму, как примитивная изоляция, ребенок пытается справиться с полученным стрессом.

Лакановская школа, продолжая развивать идеи Фрейда, также делает акцент на том, что развитие ребенка происходит в контакте и, если этот контакт не установлен должным образом, ребенок отворачивается от мира, замыкается в себе. Опыт, полученный младенцем во взаимодействии с матерью, оказывает фундаментальное воздействие на психику, фактически формирует ее и восприятие младенцем окружающего мира – как доброго и надежного или как плохого и враждебного. Таким образом, аутизм воспринимается не как врожденное заболевание, а как испытание, с которыми не справился ребенок в процессе самоидентификации. В центре этих переживаний находится отсутствие контакта ребенка с матерью и отсутствие вербального объяснения переживаний ребенка.

Аутизм и инкапсуляция

Большой вклад в развитие теории аутизма внесла Фрэнсис Тастин, работавшая психотерапевтом в Тавистокской клинике. Она интенсивно работала с аутичными детьми на протяжении 30 лет. Тастин (*Tustin, 2021*) отводит большую роль аутистическим объектам. Дети с аутизмом предпочитают металлические игрушки или предметы, которые они используют в качестве игрушек. У таких детей существует укоренившееся ощущение, что эти металлические предметы являются частью их самих. Эти объекты, которые Тастин назвала «аутистическими», как бы «защищали» этих детей. Дети были недоступны, находясь под защитой этих объектов. Аутистические объекты используются не для их изначально предполагаемой цели. Они используются индивидуально каждым ребенком. В результате недостатка фантазий, связанных с аутистическими объектами, эти объекты используются для связывания с незрелыми фантазиями, близкими к телесным ощущениям.

Основная мысль работы Тастин заключается в том, что ситуации, происходящие с ребенком в младенческом возрасте, вызывают у него необходимость оградиться от окружающего мира. Одной из таких ситуаций является ряд шокирующих событий, которые не может выдержать еще несформированный психический аппарат ребенка. Ситуация, которая чаще всего становится пусковым механизмом для развития аутизма, связана с переживанием телесной удаленности матери и младенца друг от друга ввиду жестокой оторванности или травмы.

Ребенок с аутизмом, по мнению Тастин, пропустил стадию нормального младенчества, связанную с попытками практики. Эта стадия проявляется при отсутствии матери. Многие такие дети пропустили нормальную стадию сосания, при которой ребенок симулирует сосательные движения, воображая материнскую грудь. Такие дети пропустили ранние обучающие переживания, связанные с игрой. Эти дети хотят все сделать с первой попытки. Столкнувшись с неудачей, ребенок теряет всяческое желание повторить еще раз. Ребенок вместо творческой деятельности, развивающей фантазию, использует аутистические объекты, которые являются барьером по отношению к реальности.

Д. Розенфельд (*Rosenfeld, 2018*), ссылаясь на Фрейда, пишет, что первая галлюцинация ребенка – повторение раннего тактильного опыта – связана с кормлением грудью. Наблюдая, как ребенок двигает ртом, представляя, что он сосет грудь, мы видим проявление первого психологического механизма – галлюцинации, которая в то же время является попыткой общения. Это сообщение от ребенка будет полезно в том случае, если оно понято и интерпретировано его матерью.

Приводя в пример опыт своей работы с ребенком-аутистом по имени Бенджамин, Розенфельд подчеркивал, что без тактильного контакта с объектом ребенок не может связать тактильный контакт со словесным символом. Он полагает, что галлюцинация, которую З. Фрейд считал первым психическим механизмом, может быть связана с механизмом

аутизма. Аутичный ребенок возвращается к примитивной галлюцинации, являющейся его первым впечатлением, окутывая и окружая себя им.

Согласно точке зрения Розенфельда, механизм аутистической инкапсуляции используется ребенком для сохранения ценных аспектов пережитого опыта.

Розенфельд развивал теорию Тастин, делая акцент на том, что аутизм является состоянием доминирования ощущений, которому сопутствует обеднение эмоционального контакта. Пытаясь охарактеризовать состояние аутистической замкнутости, Тастин начала развивать теорию инкапсуляции.

Тастин рассматривала аутизм как реакцию на иллюзорную травму переживания телесной обособленности – травму, которую Малер описала при неудаче симбиоза. В качестве реакции на то, что, казалось, ощущается как несвоевременное изгнание из психологической послеродовой утробы, аутичный уход из человеческой реальности является последним защитным маневром для выживания: человеческий потенциал ребенка заключен в жесткую, безразличную внешность ракообразного. Аутизм для Тастин – это защита от преждевременного осознания обособленности и непохожести объекта. Она считает, что синдром Каннера и симбиотический психоз Малер имеют общую фундаментальную аутичную характеристику – отрыв от реальности этих детей. При этом Розенфельд подчеркивает важность различия между потерей объекта и потерей возможности контакта с объектом. Пустота, которую испытывают аутичные дети, описанная Тастин и Малер, отличается от потери объекта. Разрыв, происходящий между ожиданием и исполнением, означает, что потеря – это не что-то ясное и значимое, а еще более глубокая потеря из-за того, что она покрыта замешательством.

Теории Тастин и Розенфельда не противоречат другим теориям. Потеря контакта с объектом, с кем ранее были установлены отношения, оказывает катастрофическое воздействие на психическое развитие ребенка, заставляя его уйти внутрь, «закапсулировать» полученный ранее опыт, отвернувшись от окружающего мира, считая его угрожающим и опасным.

Споры об аутизме

В своей книге Д. Рибас (*Ribas, 2004*) задается вопросом о природе аутизма и разбирает теории, которые уже освещены в данной статье. Он пишет о том, что не всегда мы можем говорить об уходе ребенка внутрь себя по причине холодности или равнодушия родителей. Есть обратные свидетельства, говорящие о чрезмерной любви матери. Любви настолько сильной, что она подобна поглощению. Он также указывает на переоценку игрового аспекта в институциональном лечении аутизма. Если неспособность играть является неотъемлемой частью патологии, игра становится жизненно важной для лечения таких детей. Он ссылается на Винникотта, который показал нам важность процесса игры для психического развития. Игра открывает для ребенка пространство творчества, искусства и культуры.

Рибас указывает на невозможность вытеснения у аутистов. Этот защитный механизм им недоступен. Отсюда их феноменальные способности запоминать и с точностью воспроизводить огромные объемы информации и различных деталей. Они не могут стереть из памяти то, что ранее увидели. Также они не способны вытеснить какие-то неприятные моменты из собственного жизненного опыта. Ссылаясь на работу Рене Руссийона о первичной символизации, он пишет, что символизация опыта вытесняет в своем процессе даже след несимволизируемого опыта. Что бы она ни символизировала, она вписывает это и в то же время теряет. Именно это лежит в основе так называемого «первичного вытеснения», которое проявляется как продукт символизации. Таким образом, любой прогресс в процессе символизации сопровождается вытеснением, формированием ядра вытесненного, которое является организатором психической жизни.

Рибас указывает на то, что психоаналитики в последние десятилетия значительно продвинулись в изучении аутизма и отошли от основной идеологии Беттельхейма и Винникотта с идеализацией роли матери. Родители детей с аутизмом также испытывают огромные страдания, часто обвиняя себя в диагнозе их ребенка.

Разбирая теорию Малер, Рибас, ссылаясь на Винникотта, указывает на важность фазы симбиоза между матерью и младенцем для развития психики. Во время разлуки, слишком жесткой или слишком продолжительной для того, чтобы у ребенка были возможности поддерживать внутреннее представление о своей матери или родительской замене, ребенок испытывает примитивную агонию, невыносимую тоску, которая, если будет продолжаться слишком долго, оставит в психике неизгладимые следы.

Говоря о теории Беттельхейма, Рибас пишет, что многие специалисты и родители восстали против нее ввиду того, что для лечения было необходимо полностью отделить ребенка с аутизмом от его семьи, тем самым как бы наказывая ее за то, что она виновата в том, что ребенок стал таким. Рибас, ссылаясь на свой опыт, указывает на то, что таких детей необходимо лечить в стационаре при обязательной поддержке родителей. Только в таком случае терапия может быть успешной.

Рибас пишет, что Мельтцер адаптировал к патологии концепцию Э. Бик, описывающую первую фазу развития идентичности здорового младенца – адгезивную идентичность. Это примитивная совместная идентичность матери и младенца, поддерживаемая общей психической оболочкой, состоящей из материнской заботы, удерживания на руках, языкового общения, материнского запаха и психического воздействия матери на ребенка.

Рассматривая взгляд школы Лакана, Рибас подчеркивает, что изучение вклада материнской психики в формирование влечений и языка ребенка в рамках структурной логики Лакана имеет актуальное значение, если мы исходим из того, что первый язык всегда является языком матери.

Рибас пишет, что сомнение в очевидности внутреннего и внешнего развития психики является отправной точкой в исследовании аутизма. Винникотт и Тастин сделали предположение о неочевидности различия между психикой ребенка и внешним миром. Э. Бик и Д. Анзье

сделали то же самое в своей концепции тела как контейнера-содержимого. Беттельхейм и Винникотт в своих работах дали нам понять, какую важную роль играет окружающая среда для раннего психического развития.

Подводя итог, Рибас пишет, что главная проблема аутизма – символизация. Первичный объект, который младенец пытается найти, – это слияние себя и объекта, как слитые воедино грудь и рот. Достаточно хорошая мать допускает, чтобы предрасположенность ребенка к галлюцинациям в отношении хорошей ситуации сочеталась с самыми ранними ощущениями этой ситуации. В таком случае это будет похоже на колебание между иллюзией слияния и фактом контакта, что является границей дифференциации между «я» и «ты».

Ссылаясь на работы Рене Руссийона, Рибас пишет, что путь символизации – это путь первичного объекта. Таким образом, субъективный объект, созданный детской психикой, смешивается с психикой другого человека – матери, чтобы найти в реальности воплощение своего творения. Эта встреча формирует для ребенка внешнюю реальность. Отсутствие у ребенка репрезентации делает невозможной работу горя по первичному объекту, что приводит к расстройству символизации при аутизме. Материнские способности символизировать отсутствие и скорбь по первичному единству с младенцем позволили бы ребенку вырваться из порочного круга неспособности к символизации и работе горя. Сюда же можно отнести депрессию матери, при которой парализуется способность к работе горя, следовательно, мать не сможет достаточно инвестировать в младенца и помочь ему сформировать внешнюю реальность через символизацию. Обретая себя в объектах, психические процессы, нематериальные и неуловимые сами по себе, обретают перцептивную и материальную форму, они становятся образными и различимыми – психика может начать осознавать их через их материализованную форму. Благодаря восприятию психическая материя обретает форму благодаря галлюцинациям, перцептивная материя оживает благодаря двигательным навыкам, эта материя преобразуется.

Сталкиваясь с инаковостью объекта или пространства, в которое она проецируется, психическая материя возвращается во внутреннее пространство посредством интернализации. В этом процессе отвлечение от объекта сопровождается психическими преобразованиями, которые происходят внутри него, которые и будут нести его отпечаток. Таким образом, интроекция следует за проекцией. Способности матери младенца мечтать предполагают интроективные способности идентификации. Поскольку есть возможность изобразить с помощью проекции как первый отклик объекта, так и все, что было отвергнуто и невозможно получить от него, разворачивается субъективная игра на страже аутоэротизма. Эта игра, которая открывается символизации, смещает самосознание с самого себя, чтобы открыть его объекту и символизировать его инаковость. Эта игра остается зависимой от присутствия материнского объекта.

В своей более поздней работе Рибас (*Ribas, 2010*) описывает тенденцию аутистов растворяться, отчуждаться, больше не быть предметом

своих желаний и конфликтов, что является действием «влечения к смерти». Изначально оно направлено на собственную личность, а затем оно направляется вовне, допуская агрессию, что обуславливает агрессивное поведение таких детей. Аутизм учит нас, что самые ужасные психические увечья могут возникнуть в результате избегания страданий.

Разбирая работы психоаналитиков, исследовавших аутизм, Рибас пишет о М. Малер, которая рассматривала детский аутизм как защиту ребенка от потребности в симбиозе с матерью. Проблема аутизма, по ее мнению, возникает, когда у ребенка отсутствует ожидание удовлетворения матерью его потребностей в эмоциях, любви и контакте.

Ссылаясь на Фрейда, Рибас пишет о гипотезе первого момента психической жизни младенца, который связан с представлением о груди матери о кормлении во время чувства голода, что дает ему возможность еще поспать. Для Малер разница между просто психотическим ребенком и аутичным ребенком заключается в способности галлюцинировать. Ребенок с аутизмом отрицает и стирает внешний мир негативной галлюцинацией, которая сводит на нет все восприятие. В то же время ребенок-психотик способен к представлениям, что позволяет ему поддержать бредовую иллюзию симбиоза, от которого он не может отказаться, будучи неспособным справиться с разлукой и мучительной болью, которую она вызывает.

В нормальной симбиотической фазе младенец начинает психическую жизнь благодаря любви и заботе своей матери. Из потребности в пище он строит потребность в психическом обмене и контакте с другими, причем желание возникает из потребности. И, как следствие, вызывает большое беспокойство, когда отношения между матерью и младенцем нарушаются либо из-за трудностей одного из диады, либо из-за разлуки.

Рибас отмечает, что у детей с аутизмом есть надежда на исцеление через психотерапию с возобновлением психического развития. Есть надежда на регресс до стадии, на которой произошла блокировка, и на возможность доступа к положительному симбиозу, благодаря которому становится возможным открытие Другого. Но некоторые психоаналитики, особенно во Франции, пошли дальше, начав с психотерапии родителей детей с аутизмом, которая выявила фантазии о насилии, слиянии или смерти.

Винникотт описал как особую форму психического катаклизма потерю правильного объекта любви, приносящего удовлетворение прежде, чем ребенок сможет понять свою отделенность от матери. Теряя грудь, ребенок думает о том, что потерял себя как единое целое. Это отрыв от самого себя. Это хорошо отражает то, что, по мнению Рибаса, передают нам психотики, которым удается выразить словами свои тревоги. Бесконечные падения в бездну, разрывы бытия, пустота, в которой царят безмятежные ужасы, свидетельствуют о тревогах распада и ужаса небытия.

Ссылаясь на работу Ф. Тастин с аутичным мальчиком по имени Джон, Рибас пишет, что мальчик называл опыт своего разрыва в связке «сосок – рот» «черной дырой». Эта черная дыра часто встречается на детских рисунках психотиков или бывших аутистов, которые с тревогой затемняют рот только что нарисованного ими человечка. Тастин описывает черную дыру как ад. Ад, который является не просто вечной потерей любви.

Падение в черную дыру как раз приводит к потере ощущения временной и пространственной непрерывности самого себя, потере способности «упорствовать в своем существовании». Тастин развила свое понимание страданий, которые раскрывает черная дыра, поставив под сомнение существование проекции, описанной Мелани Кляйн, как универсальную аксиому в пользу существования у этих людей врожденных страхов, подобных инстинктам животного.

Современные астрофизики выбрали термин «черная дыра» для описания необычных небесных объектов, которые имеют огромную массу при очень маленьком объеме. Плотность становится такой, что ничто, даже свет, больше не может вырваться из нее, что оправдывает это название. Любая материя, которая приближается к ней, также вовлекается в это бесконечное падение. По мнению Рибаса, это дает нам очень красивую метафору психики, падающей в черную дыру этой катастрофической депрессии. Психика не способна противостоять и чувствовать печаль, она подавляет себя в ней.

Ребенок с аутизмом – это не тот ребенок, которому наконец потребовалась бы хорошая мать, чтобы все исправить. Все зависит от творческих способностей ребенка. И все усилия психоаналитика заключаются в том, чтобы помочь ребенку преодолеть свой ужас. Обмен с внешним миром – это единственный реальный путь к выходу из черной дыры, но этому противостоит необходимость «тиранического контроля», который развил ребенок, чтобы защитить себя.

Аутизм, который мы наблюдаем, по мнению Рибаса, является патологической попыткой вырваться из черной дыры. По мнению Тастин, ребенок пытается заполнить черную дыру «аутичными объектами» или скрыть ее «аутичными формами».

Разбирая концепцию, которую предложил Д. Мельтцер, Рибас пишет, что психика, которая еще не сформировала свою целостность, может в результате адгезивного контакта сломаться при потере объекта любви. Отношения с другими позволяют строить себя, отождествляя себя с ними. Мы вкладываем в себя качества друг друга благодаря интроективной идентификации. Чтобы попасть в общество людей, ребенок должен оплакать свое иллюзорное всемогущество над миром. Благодаря доступу ребенка к интроективной идентификации время становится его другом, а надежда – опорой.

Таким образом, Рибас проанализировал все рассмотренные ранее в данной статье теории и, на основании своего многолетнего опыта работы в дневном стационаре с детьми, страдающими аутизмом, выдвинул свою теорию, на которую предлагает опираться при дальнейших исследованиях аутизма. Но неизменной остается роль матери в психическом пробуждении ребенка – ведь именно она помогает младенцу создавать репрезентации и сделать возможной работу горя по тому состоянию симбиоза, в котором пребывает младенец в первые недели своей жизни, когда он еще не может дифференцировать окружающий мир и Я/не-Я. Мать, которая находится в депрессии по той или иной причине, не способна создать у ребенка репрезентации, которые помогли бы ему символизировать.

Тем самым, избегая страданий, ребенок вынужден будет закапсулироваться внутри своей психики, что приводит его к аутизму.

В знании, которое человек имеет о самом себе, все еще есть неизвестное – знание о рождении нашей личности, знание о рождении нашего разума. Вопрос аутизма по сей день вызывает много различных споров по поводу его причин. Проанализировав различные психоаналитические теории за последние сто лет, мы видим, как в одно и то же время исследования абсолютно разных людей приходили к общему знаменателю.

Только в любви субъект может почувствовать себя наполненным и сформировать позитивное представление о внешнем мире. Мать дает младенцу опыт взаимоотношений, помогает дифференцировать Я и не-Я. Роль матери в психическом пробуждении младенца не оспаривается ни одним из упомянутых авторов. Однако Дени Рибас призывает нас не вешать на родителей ярлыки ответственности за аутизм их детей. Каждая история индивидуальна по-своему. Но трудно поспорить, что окружающая обстановка оказывает огромное влияние на формирование психики у ребенка.

Теория Бруно Беттельгейма, которая вызвала широкий общественный резонанс, оказалась не столь точна в том, что родители виноваты в развитии у ребенка аутизма. Как правило, родители таких детей и так испытывают огромное чувство вины, что усугубляется данными выводами, которые не нашли поддержки у других психоаналитиков, таких как Фрэнсис Тастин и Дени Рибас, назвавшими теорию Бруно Беттельгейма «ужасной ошибкой». Зачастую родители сами находятся в таком состоянии, которое требует оказания помощи и поддержки. И не всегда причиной аутизма является исключительно враждебное отношение родителей к своему ребенку. При этом концепция кризисных периодов по Бруно Беттельгейму перекликается с выводами Рене Шпица в отношении того, что опыт покинутости остается в психике ребенка в виде мнестических следов. Дени Рибас как раз пишет, что мать, которая находится в депрессии, не имеет возможности инвестировать ребенка.

Огромное значение имеют опыты наблюдения и практической работы с детьми Дональда Мельцера, Эстер Бик и Дидье Анзьё. Они описали, как опыт взаимодействия с матерью оказывает влияние на младенца, формирует у него «психологическую кожу».

Таким образом, контейнирование матерью младенца создает внутри него так называемую «психологическую кожу», позволяя удерживать дезинтегрированные части. Отсутствие контейнирования создает у младенца так называемую «вторую кожу», которая связана с дефектами раннего сдерживания и может иметь разрушительные последствия для психики младенца. В клинических случаях, описанных разными авторами, мы можем наблюдать единую картину в играх детей с аутизмом: они выбирают в качестве игрушек холодные металлические предметы и провода. Именно эти сложные системы позволяют этим детям хоть как-то связать свое восприятие этого мира.

Аналитики лакановской школы делают акцент на важности для ребенка контакта с матерью, ибо в контакте происходит развитие. Отсутствие вербального объяснения переживания младенца может привести к провалу

ребенка в вопросе самоидентификации и, как следствие, к уходу в себя. Таким образом, отсутствие символизации не позволяет ребенку сформировать внешнюю реальность. Эти выводы также подтверждаются концепциями, выдвинутыми Рене Руссийоном и Дени Рибасом.

Дэвид Розенфельд развивал теорию Фрэнсис Тастин, описывая состояние аутизма как ощущения, которым сопутствует обеднение эмоционального контакта. Эти ощущения развиваются в отношениях ребенка с окружающим миром и матерью. Ребенок с аутизмом все видит и слышит, выглядя при этом слепым и глухим. Он не может создать эти разные восприятия внутри себя.

Дени Рибас (*Ribas, 2010*) описывает свой опыт общения с двумя матерями аутистов. У одной матери умер брат, после чего в скором времени родился сын. Она была очень сильно привязана к родному брату и не смогла осуществить работу горя, отрицая эту потерю. И дала сыну второе имя, в честь брата. Она говорила Рибасу, что в ее сыне есть что-то мертвое, он вне жизни. Другая мать после работы с Рибасом не поменяла своего отношения к ребенку с аутизмом и сдала его в школу-интернат.

Вышеупомянутые заключения подтверждают важность и актуальность исследуемого вопроса для понимания причин, способствующих уходу ребенка в себя.

Исследование аутизма

В исследовании приняли участие восемь матерей детей, у которых диагностирован аутизм. С каждой из матерей было проведено глубинное интервью с целью сбора данных о семейной истории и опыте материнства. Анализ карточек ТАТ проведен в дополнение к интервью с целью получить более полное представление не только о семейной истории этих матерей, но и об их внутренних конфликтах, влечениях, интересах и мотивах. Полученные данные позволяют подкрепить сделанные ранее выводы о роли матери в психическом пробуждении ребенка практическим материалом и дают основу для дальнейшего более глубокого исследования.

Всех участвовавших в исследовании матерей аутистов объединяет наличие травматических переживаний различной степени тяжести (рождение сиблингов, смерть родителей, выкидыши, аборты, смерть близких, ситуации потери собственного выбора, оставление без помощи), в которых ими не были получены утешение, защита и признание события. Все эти женщины в своей жизни в качестве основной психической защиты используют изоляцию аффекта.

Под изоляцией аффекта мы понимаем защиту, которая формируется, когда субъект не смог проделать работу по переживанию травмы. Чувства, которые вызывает травматическое событие, подавляются и инкапсулируются. Аффект отделяется от воспоминаний, что затрудняет создание репрезентации и символизацию полученного опыта.

Аутизм представляет собой то состояние, когда происходит инкапсуляция, то есть мы можем наблюдать похожий механизм. Закапсулированные аффекты матери отделены от репрезентации пережитых событий.

Невозможность присвоить собственный опыт не может способствовать символизации у младенца его чувств и переживаний. Отделение аффекта от воспоминаний у матерей может также способствовать развитию депрессии. Под депрессией мы понимаем то состояние, в котором субъект не может самостоятельно проделать работу горя. Находясь в таком состоянии, матери невозможно сформировать для собственного ребенка психическую реальность.

Психические процессы должны обрести себя в объектах, чтобы стать образными и различимыми, способными сформировать внешнюю реальность. Если мать не может связать собственные аффекты с репрезентациями, она будет не в состоянии это сделать для собственного ребенка.

В результатах полученного исследования было видно, что рождение ребенка и опыт материнства стали травмирующим событием для некоторых матерей. Потеря возможности собственного выбора, отсутствие помощи со стороны близких, чувство одиночества и пустоты погрузили их в депрессивное состояние, которое в некоторых случаях проявляется и по сей день. Сложно говорить о возможности физического и психического контакта с ребенком в таком состоянии. В отдельных случаях присутствовали деструктивные фантазии, направленные на собственного ребенка. Потеря возможности собственного выбора направляет агрессию на ребенка, который в таком случае становится виноватым в невозможности матери наполнить свою жизнь положительными репрезентациями.

Я полагаю важным акцентировать внимание на проблеме послеродовой депрессии как в мире, так и в нашей стране в частности. В развитых странах частота таких эпизодов стремится к 50%. На мой взгляд, данная статистика напрямую связана с количеством обращений и правильной диагностикой. В менее развитых странах женщины реже обращаются за помощью, игнорируя депрессивные симптомы или стыдясь их. Тут также важна роль окружения женщины, которое вовлечено или нет в ее жизнь.

Истории исследуемых женщин говорят нам о том, что их окружение не способствовало связыванию аффектов с репрезентациями. Женщины чаще всего оставались один на один со своими трудностями начиная с раннего детского возраста. К зрелым годам уже формировались сильные психические защиты, которые не оставляли аффекту места в жизни женщины.

Таким образом, данное исследование подтверждает гипотезу в отношении того, что нарушения в диаде мать – младенец влекут за собой такие разрушительные последствия, как аутизация ребенка. Данное исследование не ставило своей целью обвинить матерей в диагнозе их детей. Как мы видим, эти женщины имеют трудности с символизацией собственного опыта, что не дает им возможность обеспечивать своему ребенку психическое рождение. Имеющиеся в отдельных случаях органические поражения у детей также могли усугубить ситуацию развития, в том числе психического.

Несмотря на то что истории восьми матерей, принявших участие в данном исследовании, не похожи между собой, они имеют много общего в виде наличия травмирующего опыта и отсутствия поддержки со стороны

родных и близких, которые могли бы способствовать символизации полученного опыта.

Я полагаю, что это важно – сделать акцент о необходимости психологической подготовки к рождению ребенка. В нашем обществе до сих пор существует множество постулатов и предубеждений в отношении материнства. На мой взгляд, материнство – это выбор, который должна иметь каждая женщина. Рождение ребенка – это безусловное счастье, которое также сопряжено с большой ответственностью. В нашей стране целые системы готовят женщин к беременности и родам, но практически никто не занимается обеспечением психологической профилактики будущих рожениц. В новостных повестках нередко новости о суицидах новоиспеченных матерей, которые накладывают руки не только на себя, но и на своих детей. Это все является следствием послеродовой депрессии, которая вовремя не диагностирована и оставляет женщину один на один со своей внутренней болью.

Я бы отметила важность оказания психологической помощи женщинам, выросшим в деструктивных пограничных семьях, в которых присутствовали насилие и зависимое поведение. Эти женщины составляют большую группу риска для аутизации детей, потому что у них, как правило, не было возможности присвоить полученный опыт, если они ранее не обращались за психологической помощью. На примере одного из исследуемых случаев мы видим, как вовремя оказанная психологическая помощь помогла предотвратить возможную аутизацию ребенка, мать которого в процессе терапии изменила свое отношение к детям, начав проявлять заботу по отношению к ним и развивая чувство привязанности и вовлеченности в жизнь ребенка.

Данное исследование может служить почвой для дальнейших исследований проблематики аутизма, его связи с психологическим состоянием матерей и их собственным жизненным опытом. Результаты данной статьи могут быть использованы психоаналитиками и психоаналитически ориентированным психотерапевтами в работе с женщинами, которые планируют становиться матерями или уже стали ими. На мой взгляд, одной из важнейших профилактик аутизации общества должна стать доступность психологической помощи для населения, а также открытость информационных источников по данной проблеме. Многие женщины, столкнувшись с диагнозом аутизм, не имели представления о том, что это и с чем может быть связано. Профилактика аутизма должна быть направлена на формирование знаний человека о себе и помощи ему в присвоении собственного жизненного опыта.

Рассматривая диаду мать – младенец, мы должны также понимать, что для символизации необходим и третий. Ведь мать для собственного ребенка является не только матерью, но и женщиной. Поэтому неоспорима важность третьего – мужчины, который сформировал бы у ребенка фантазм о первосцене. Мы можем рассмотреть фантазм о первосцене как один из организаторов психического.

Мать, у которой есть мужчина, вынуждена оставлять своего ребенка: уложив его спать, она уйдет к мужчине, а не будет пребывать в бесконечном союзе с младенцем.

Как мы видим из историй участвовавших в исследовании матерей, некоторые из них оставались в нерушимом союзе с собственным ребенком, исключая мужчину и разрушая триангуляцию.

Если мать ребенка не находится в непрерывном слиянии с ним или не оставляет его надолго одного (в этом случае у него существует риск потери матери как объекта), инвестиции и дезинвестиции ребенка уравновешены, что способствует развитию аутоэротизма и фантазматической деятельности. Таким образом, можно выделить роль фантазма о первосцене как одного из структурирующих в развитии психики ребенка.

В случае, если мать находится в непрерывном слиянии с ребенком, у него будут отсутствовать репрезентации отсутствующего объекта – матери, которые способствовали бы формированию фантазматического мышления. В то же время, если мать надолго покинет ребенка, это может способствовать уничтожению всех репрезентаций. Таким образом будет происходить умерщвление зачатков мышления, что мы можем наблюдать у аутистов. Для организации психической жизни основополагающим вопросом будет являться возможность идти навстречу объекту любви, при условии, что любовь идет от главного объекта в жизни, гаранта жизни – матери, опять же – при условии, что сама мать инвестирована своим окружением и не находится в одиночестве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анзье Д.* Я-кожа. Ижевск: ERGO, 2011. 304 с.
2. *Беттельхейм Б.* Пустая крепость. Детский аутизм и рождение Я. М.: Академический проект, 2019. 484 с.
3. *Боулби Дж.* Привязанность / Пер. Н. Г. Григорьева, Г. В. Бурменской. М.: Гардарики, 2003. 287 с.
4. *Дольто Ф.* На стороне ребенка. Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2021. 717 с.
5. *Лакан Ж.* Семинары. Книга 3: Психозы. М.: Гнозис/Логос, 1981. 432 с.
6. *Лакан Ж.* Семинары. Книга 11: Четыре основных понятия психоанализа. М.: Гнозис/Логос. 2004. 304 с.
7. *Малер М., Пайн Ф., Бергман А.* Психологическое рождение человеческого младенца. Симбиоз и индивидуация. М.: Когито-Центр, 2018. 413 с.
8. *Фрейд З.* Очерки по психологии сексуальности. СПб.: Азбука, 2021. 224 с.
9. *Шниц Р.* Психоанализ раннего детского возраста. М.: ПЕР СЭ, СПб.: Университетская книга, 2001. 159 с.
10. *Anzieu D.* (1993). Autistic phenomena and the Skin Ego. *Psychoanalytic Inquiry*. V. 13. P. 42–48.
11. *Asperger H.* (1944). Die “Autistischen Psychopathen” im Kindesalter. *Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten* 117. P. 76–136.
12. *Bik E.* (1968). The Experience of the skin in early object-relations. *International Journal of Psychoanalysis*. Vol. 49. P. 484–486.

13. *Bleuler E.* (1950). *Dementia praecox or the group of schizophrenias.* International Universities Press. New York.
14. *Bowlby J.* (1958). The Nature of the Child's Tie to His Mother. *International Journal of Psychoanalysis*, 39. P. 350–373.
15. *Kanner L.* (1943). Autistic disturbances of affective contact. *The Nervous Child*. No 2.
16. *Kanner L., Eisenberg L.* (1955). Review of psychiatric progress; child psychiatry and mental deficiency. *The American journal of psychiatry*, 1955. No 111 (7). P. 520–523.
17. *Lacan J.* (1966). Le stade du miroir comme formateur de la fonction du Je. *Ecrits I.* Ed. Du Seuil. P. 89–97.
18. *Mahler M., Furer M., Settlege C.F.* (1959). Severe Emotional Disturbances in Childhood; Psychosis. *American Handbook of Psychiatry.* S. Arieti, New York. P. 816–839.
19. *Meltzer D.* (1975). Adhesive Identification. *Contemporary Psychoanalysis.* Vol. 11. P. 289–310.
20. *Ribas D.* (2004). *Controverses sur l'autisme et témoignages.* Presses Universitaires de France, Paris.
21. *Ribas D.* (2010). *L'énigme des enfants autistes.* Postface inédite. Librairie Arthème Fayard/Plurie, Paris.
22. *Rosenfeld D.* (2018). *The Creation of the Self and Language: Primitive Sensory Relations of the Child with the Outside World.* New York: Routledge.
23. *Roussillon R.* (2011). Déconstruction du narcissisme primaire. *L'Année psychanalytique internationale 2011/1.* (Vol. 2011). P. 177–193.
24. *Spitz R.* (1962). Autoeroticism Re-examined. *The Psychoanalytic Study of the Child.* V. 17 International Universities Press. New York. P. 283–315.
25. *Tustin F.* (2021). *Autistic States in Children.* New York: Routledge.
26. *Winnicott D. W.* (2005). *Playing and Reality.* New York: Routledge.

Psychoanalytic research of autism

D. D. Gracheva

Gracheva Daria D., Master of psychology, psychoanalytic-oriented psychotherapist.

This article is devoted to the psychoanalytic research of autism. The topic of autism causes passionate debate regarding to the causes relating to its pathology. The lack of consensus on this issue is seriously disorienting for parents, and the difficulty of calmly confronting hypotheses affect in understanding of childhood autism, its origins and therapy. The topic of autism has repeatedly appeared in psychoanalytic literature. Over the years, psychoanalysts have refined the nature of autism and how to detect it. Causes of autism are still not understood. This article explores the relationship between the development of autism and disorders in the mother-infant dyad. This article will be of interest to psychoanalysts and psychoanalytically oriented psychotherapists working with patients diagnosed with autism, as well as their mothers.

Keywords: autism, psychology, psychanalytic psychotherapy, psychosis, symbolization, depression.